

Елена НАЛИВАЕВА

ВОРОТЦА ВРЕМЕНИ

Алексей Ильичёв. Праздник проигравших. – Поэты антологии «Уйти. Остаться. Жить». – М.: Выргород, 2025. – 154 с.

Творчеству Алексея Ильичёва (1970–1995) имманентно присуща поэтическая строгость: его стихи почти всегда силлабо-тоничны, он стремится к точной рифме (ассонансами тоже пользуется регулярно, но и они достаточно сдержанны); рифмовка, как правило, перекрёстная, параллельная, опоясывающая – авторитарная. Говоря проще, вроде бы ничего нового в структуре Ильичёв не изобретает. Ольга Балла в своём предисловии к книге «Только я и холод» отмечает, что у Ильичёва нет, «кстати, никаких экспериментов с формой, поисков, игр с языком: слова значат ровно то, что они значат». Это замечание даётся в скобках, как попутное наблюдение на фоне того, что преобладают твёрдые формы, редко верлибры, текстам свойственна «графичная чёрно-белая речь <...>, скупые, точные штрихи».

Но есть среди всех текстов Ильичёва один изумляющий: в нём жёсткий, напряжённо-напружиненный структурный каркас прослаивается мягкими, волнисто-плавными вставками в скобках, музыкальными *ritenuti* (замедлениями; в случае разбираемого стихотворения – внезапными). Они присутствуют в каждой строке восьмистишия, кроме последней, сплетаясь со всем остальным в темпово живую, *омузыкаленную* ткань. Этот текст подобен нотной записи в духе условного Валентина Сильвестрова, для которого нюансировка важна настолько, что он выписывает её буквально в каждом такте (например, в «Китч-музыке» или «Тихих песнях» 1970-х годов), не оставляя ни один без динамического оттенка или темповой ремарки, и указания *rit.* (*ritenuto*) особенно любимы композитором.

Зачем я (выпал из сустава)
Ноги (идущей) через поле?
Зачем я (выпал из состава)
Кислот и обратился (в соли)?
Зачем я (музыки) не слышу,
Когда играют на (трубе),
А (слышу) ниже или выше
Нежней, загадочней, грубей?..

Сам Ильичёв, пытаясь объяснить замысел, говорил о том, что слова в скобках «как бы находятся выше или ниже» в структуре стиха, и представлял их как замедления. Поэт увлекался китайской философией; нет сомнений – он интересовался китайским языком и его особенностями. Четыре тона разной направленности и один нейтральный будто звучат в его стихотворении. Положение конструкций в скобках ближе к началу строк (вторая, седьмая строки) ассоциируются с восходящими тонами; в конце строки – с нисходящими (первая, третья, четвёртая, шестая строки). В зоне золотого сечения стихотворения (пятая строка) слово «музыка», заключённое в скобки, располагается посередине. Подобная графика текста шатается маятником, раскачивает структуру, создавая объёмный эффект музыкальной процессуальности в на-бумажном пространстве. Строка же «золотого сечения» устроена в «нейтральном ровном тоне». Благодаря такому решению возникает иллюзия, что музыка звучит везде, что она разлита в универсуме, она вокруг героя постоянно. И герой слышит *музыкальное* помимо и за пределами её физических проявлений в игре, например, на инструменте – трубе. Герой слышит нечто большее, чем трубный голос

или даже глас, разрезающий пространство благодаря блеску тембра: ему доступно «ниже или выше / нежней, загадочней, грубей».

В стихах Ильичёва всегда просматривается образ лирического героя, наделённого поэтическим даром, тяжёлым и невыносимым, от которого никуда не деться:

Я хочу тишины, а не слов
В тишине, в глухоте, в слепоте,
Чтоб куда-нибудь вглубь проросло
То, что тянет меня к высоте.

Звучащее внутри *вселенское музыкальное* мучит его, и лирический герой «притворяется себе глухим» и «все звуки в себе глушит». Невесомость и невыносимость поэтической миссии давит его, делает в привычном человеческом мире потерянным и неприкаянным. Неприкаянность просматривается в нарушении, изломанности скобками структуры стихотворения. Выделяются словосочетания «выпал из сустава» – «выпал из состава». Первое – физиологичное: подвернул ногу, оступился, произошла вынужденная остановка движения; второе – метафизическое: скобки обособляют словосочетание, и то, что далее упоминаются химические кислоты и соли, входящие в состав живых клеток, воспринимается сюрреалистически вторичным. К тому же «выпал из состава» – конструкция, в первую очередь навевающая мысли о поезде, об отцепившемся вагоне. Такая ассоциация работает в связке с топом поля из второй строки. Герой мал, одинок, потерян в бескрайности и удивлён, да не просто удивлён, а – *изумлён*. С ним происходит нечто за рамками физиологического самоосознания в физическом мире, и здесь уже проступает сквозной для творчества Ильичёва мотив смерти. Невольно вспоминаются в связи с этим строки стихотворения Андрея Белого «Из окна вагона»:

Пролетают поля росяные.
Пролетаю в поля: умереть...

В контексте рефлексий по поводу смерти можно ещё раз обратить внимание на химию: поэт схематично описывает простую реакцию нейтрализации, когда соль выпадает в осадок и образует сухой остаток в воде. Вода в стихах Ильичёва – тоже лейтмотив. Что ж: смерть, в каком-то смысле, и есть реакция нейтрализации – необратимая.

Применение скобок обнажает философскую анафору: экзистенциальный вопрос «зачем я?» Он поднимается трижды, и ответ на него в тексте, сплошняком состоящем из вопросов, как ни парадоксально, имеется: затем, чтобы «слышать ниже или выше / нежней, загадочней, грубей». Единственная строчка без скобок – последняя – резюме стихотворения, смысловая доминанта, суть. Поэт всегда одинок и почти никогда не понят, но его стихи помогают понимать другим. Поэт – передатчик экзистенциального *ничто*, для читателя становящегося *чем-то*.

В этой глубинной философской несуразности прорастает странная трагичность, выраженная двояко: будто бы мимоходом, в скобках, и с документалистичной серьёзностью – за ними. Скобки парадоксально концентрируют внимание на самом главном, замедляя движение. Они – воротца времени.